

ПОГРАНИЧНИК ПРОТИВ АБВЕРА

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Погранец

Юрий Корчевский

Пограничник против Абвера

«Феникс»

2016

Корчевский Ю. Г.

Пограничник против Абвера / Ю. Г. Корчевский — «Феникс»,
2016 — (Погранец)

ISBN 978-5-222-39671-1

НОВЫЙ военно-фантастический боевик от автора бестселлера «Погранец». Зеленые фуражки». Заброшенный в 1941 год, наш современник принимает бой на западном рубеже СССР на рассвете 22 июня и прорывается к своим, совершив диверсионный рейд по немецким тылам. Но что делать пограничнику в 1942 году, когда от линии фронта до государственной границы тысячи километров? Где пригодятся его профессиональные навыки? Разумеется, в военной контрразведке! Только теперь «погранец» из будущего ловит не нарушителей и контрабандистов, а немецких разведчиков, радистов и парашютистов-диверсантов. Он станет настоящим «чистильщиком-волкодавом» легендарного СМЕРШа. Он примет боевой орден из рук самого Берии. Он бросит вызов лучшим асам Абвера.

ISBN 978-5-222-39671-1

© Корчевский Ю. Г., 2016

© Феникс, 2016

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Юрий Корчевский

Пограничник против Абвера

Глава 1

«Кирпич» и «Стрекоза»

Положив трубку, Федор плюхнулся на табуретку.

– Ну что, дырки в гимнастерках под ордена крутить-вертеть?

Светлов довольно улыбался.

– Знаешь, что мне Осадчий сказал? «Кирпича» и «Стрекозу» взять – это само собой. Дело о второй рации, что в Торжке, взято под особый контроль Лаврентием Павловичем. Напомнить, кто это такой?

– Не надо, я помню.

– И сроку нам с тобой дали пять суток!

Особист витиевато и забористо выматерился.

– Оставляют у нас Дубовика с пеленгатором, приказали задействовать его на полную катушку.

– А если рация эти пять дней в эфир не выйдет?

– Будь оптимистом, Дима! Так мы едем за «Кирпичом» и «Стрекозой»?

– Едем. Автоматчиков возьму. У меня в особом отделе четверо, у тебя двое. Возьмем!

– Транспорт ищи, все в твой «козлик» не поместится.

Сам Федор к Дубовику прошел.

– Василий, я приказ получил, считай – от Самого.

Федор показал пальцем на потолок.

– Слушаю.

– Вот-вот. Эфир слушай. Засеки, где эта вторая рация? Сроку нам дали пять суток, и время пошло.

– Понял. Я постараюсь.

– Сучков, Обухов! Хватит бока отлеживать! С оружием на выход.

Надо покончить со всей группой. Одно плохо – уже поздний вечер. Магазин Военторга закрыт, надо искать начальство, через кадровика узнавать адрес этой «Стрекозы». Политрук Фадеев встречался с агентом в магазине, адреса проживания не знал.

Первым делом направились на станцию, в вагонное депо. Станция маленькая, как и депо. Вошли туда всей группой: особист, Федор и с ним шесть автоматчиков. Дежурный нарядчик в испуге встал.

– Добрый вечер! – поздоровался Федор. Где нам найти слесаря Углянцева?

– Он на смене сейчас.

– То есть на станции или здесь, в депо?

– На станции. Работа у него такая, колесные пары, тормозные системы эшелонов проверять, что прибывают.

– Проводите.

– Я не могу уйти.

– Оставьте вместо себя кого-нибудь или дайте провожатого.

– Сейчас.

Нарядчик вскочил, выбежал в дверь, вернулся с парнишкой в замасленной робе.

– Он покажет.

– Отлично.

Вышли из здания. Мимо по рельсам громыхал грузовой состав.

– У Углянцева какое-то рабочее место есть? – спросил Федор.

– Нет, он вдоль путей ходит, осматривает вагоны.

Плохо. Увидев автоматчиков и офицеров, может улизнуть. Прощмыгнет под вагонами, только его и видели. Особист это тоже понял. Своих солдат и Федора – Сучкова и Обухова, разделил по трое.

– Вы – к выходным стрелкам – туда, а вы трое – туда. Задерживать всех, кто попытается по путям со станции выйти.

– Стоять! – приказал Федор. – Поясняю. Не всех, только мужчин. Исполнять.

Солдаты разбежались.

– Вдвоем возьмем? – пошутил Федор.

– А куда эта сука денется? Возьмем!

Пошли к путям, всего их четыре было. На двух стояли эшелоны с техникой. На платформах накрытые брезентом танки и пушки, очертания угадывались.

Возле платформ прохаживались часовые. От вагонов раздавались странные звуки. Стук – стук – хлоп!

– Это что такое? – спросил у провожатого слесаря особист.

– Вагонники работают. Молоточком по бандажам стучат. Потом крышки боек закрывают. А как же? Подшипники осмотреть, масла подлить.

– Ага, понял.

По мнению Федора, особист ни черта не понял, но показывать не хотел.

– Вот он! – Показал рукой паренек. И вдруг крикнул: – Дядя Паша! Вас ищут!

– Заткнись, – прошипел Федор. – Кто тебя просил?

Но «Кирпич» крик услышал и офицеров увидел. Бросил масленку и молоток на длинной ручке, прыгнул под вагон, побежал по щебенке. За эшелоном его видно не было, только звук сапог по щебенке.

– Догоняем! – кинулся особист к вагонам.

А с той стороны, за вагонами, крик:

– Стой! Стой, стрелять буду.

Это часовой, увидев бегущего, заподозрил неладное. После предупреждения – винтовочный выстрел. Федор и особист уже вынырнули из-под вагона. Особист сразу закричал:

– Отставить стрельбу.

И одновременно с командой – еще один выстрел.

– Ты стрелял? – подбежал к часовому особист.

– Я предупредил – стоять! А он бежит! Я в воздух выстрелил, как положено. А вторым выстрелом по нему.

– Где он? Ну, по кому ты стрелял?

– Вон! – показал рукой в сторону часовой.

Особист и Федор в темноту кинулись. Федор фонарь зажег. А от середины эшелона уже трель свистка. Это караульный начальник с двумя бойцами бежит. Раз стреляли – какое-то происшествие.

Федор и Светлов одновременно тело обнаружили. Особист сплюнул.

– Готов! Вот же снайпер, твою мать!

Это он про часового. Попасть человеку в затылок в темноте – случайность. Но для офицеров – плохо. Ни допросить, ни связи выявить. На свет фонаря примчался начкар, как называли в армии сокращенно начальника караула. Запыхался, в руке револьвер.

– А, что? Вы кто такие? По какому праву...

– По такому!

Светлов поднес к носу начкара удостоверение.

– Он побежал, часовой после предупреждения выстрелил.

– Я часового не обвиняю, он действовал по уставу. Можете его поощрить. Вы свободны. Начкар вздохнул облегченно и ушел.

– Вот незадача! Капитан, зовите своих солдат с той стороны, а я с этой. Надо труп в грузовик да обыскать. У нарядчика адрес взять, жилье у этого гада обыскать.

Привели автоматчиков. Те перенесли труп в кузов грузовика. Пока Федор его обыскивал, особист в депо направился, взял адрес и выяснил, что «Кирпич» рядом со станцией жил бобылем.

– Ключи в кармане у убитого. Досмотрим, даже замки ломать не придется.

Домишко выходил окнами к станции, старой постройки из списанных шпал, снаружи отштукатурен. Искали компромат вдвоем с особистом, а солдаты – хозпостройки во дворе. Находки скромные. Два листка бумаги, на которых даты и черточки.

– Что бы это значило? – потер подбородок капитан.

– Думаю, даты и число поездов, прошедших по станции. Ты выгляни в окно: станция как на ладони.

– Похоже на то. Завезем труп в морг – и за «Стрекозой».

– Если ее упустим, намылят нам шею обоим.

Завезли труп в морг городской больницы. Где Военторг, солдаты знали. Но сейчас уже ночь. Как найти продавщицу? Поспрашивали около магазина у местных жителей. Город невелик, да и городом стал чуть более ста лет, хотя первые упоминания о нем появились еще в семнадцатом веке. Нехорошо вышло, приходилось стучать в дома, будить жителей. Одна тетка крикнула из окна:

– Совсем стыд потеряли, а еще военные! До утра не дотерпите? Через три дома Любка живет, вертихвостка!

Пошли в указанную сторону. Особист автоматчикам приказал:

– Дом окружить. Будет оказывать сопротивление – стрелять только по ногам. Убьете случайно, сам башку оторву.

Калитка не закрыта, вошли во двор, стараясь ступать тихо. Федор в окно постучал. Через секунду в окне показалась женщина.

– Ну, чего вам?

– Любочка, душа горит!

– Надоели, до утра не помрете!

– Люба, двойную цену платим. И закусь!

– Ладно, ждите. Оденусь и ключи возьму.

Федор прикинулся жаждущим выпить. Особист встал за дверь. Через пять минут щелкнула щеколда, дверь распахнулась, и особист с размаху ударил кулаком продавщицу в лицо. Женщина без чувств рухнула на пол.

– Ты сдурел, капитан? Слесаря часовой ухлопал, а ты этой мозги вышиб. Полегче нельзя?

Продавщица дышала, но была без сознания. Федор зол на Светлова был. Любу допросить надо, а она в отключке. Ну, дуболом!

– Нельзя женщину бить как мужика!

– Да я вроде не сильно вдарил.

– Вот и жди, пока очухается!

– В машину ее. В камере водичкой обольем, очнется. Бабы – они живучие.

Автоматчики понесли продавщицу в машину.

– Идем в дом, осмотреть надо.

Только вошли, Федор фонарь вытащил. Из комнаты на кухню выскочила бабка в ночной рубашке, закричала.

- Грабеж! Убивают! Помогите!
- Тихо! Мы из НКВД!
- Крик оборвался. Уж больно организация серьезная.
- Где комната жилички?
- Вот тут.
- Лампу какую-нибудь зажгите.

Старуха зажгла керосиновую лампу. Оба офицера начали осмотр. Обнаружили припрятанную пачку денег. Хм, а в шифрограмме агент «Стрекоза» денег просит на подкуп. А в пачке денег не меньше. Наверное, наворовала в магазине. Получить по запросу она еще не успела бы, радиogramма свежая. Во все тяжкие Любка пустилась. Война – она все спишет. А еще записную книжку обнаружили. Федор открыл, полистал. Есть записи интересные.

«Капитан Савельев. Не дурак выпить, за женщинами поволочиться. Много болтает. Майор Кошевой, тыловик, склады боепитания. Дышит ко мне неровно».

Ага, записывала, кого на чем завербовать можно. Хороший материал для особиста.

Федор записную книжку в командирскую сумку убрал. Завтра днем, если позволит время, надо будет изучить и передать Светлову. Вместе с политруками и комиссарами сможет поработать над морально неустойчивыми военнослужащими. Судя по записям, рядовые Любку не интересовали. Знают мало, денег нет, зачем на них тратить время?

Подъехали к зданию, которое занимал особый отдел, иначе – военная контрразведка.

Автоматчики перенесли продавщицу в камеру. Люба до сих пор была без сознания.

– Вылейте на нее пару ведер воды, да похолоднее.

Пока солдаты за водой ходили, Федор поднялся в занимаемую комнату. Дубовик сидел за пленгатором, крутил верньеры. На голове наушники, лицо сосредоточенное.

– Как успехи? – поинтересовался Федор.

Дубовик снял наушники.

– А никак! Не выходит передатчик в эфир. Кстати, немцы проявляют повышенную активность. В эфире полно радиостанций, почти на всех частотах.

– Ты прости, Василий, я не специалист. О чем это говорит?

– Так обычно перед наступлением бывает.

– На каком участке?

– Черт его знает. Может, и на юге. Радиостанции средневолновые, достают далеко. Я пытался определить. Сигналы с юга идут. Но второй пленг нужен, а лучше – три, для точности. Но, судя по мощности сигнала, радиостанции далеко. Тысяча километров, восемьсот, кто знает?

– Ладно, меня они не интересуют, если это не наш «пианист»¹.

– Как только появится нечто интересное, я сразу сообщу.

– Будет возможность, подменю. «Стрекозу» взяли.

– Это которая в шифрограмме фигурировала?

– Ага, ее.

– Там еще второй агент был – «Кирпич».

– На станции часовой его грохнул. Из винтовки прямо в затылок. Наповал.

– Плохо.

Федор побежал на первый этаж.

Солдатики уже вылили на голову женщины воду. Сейчас она лежала в луже воды. Но водная процедура дала эффект. Люба медленно открыла глаза, глубоко вздохнула. Федор беспокоился – помнит ли что-нибудь. Такой удар в голову с потерей сознания говорил только о сотрясении головного мозга в лучшем случае или контузии. Пострадавший на время может

¹ На сленге контрразведчиков «пианистами» называли вражеских радистов.

потерять память. Как ее после этого допрашивать? Кроме того, черепно-мозговая травма впоследствии приводит к головным болям, скачкам давления, изменениям психики. Но эти последствия Федора не интересовали. Если вина подтвердится уликами, вещественными доказательствами, будет скорый суд военного трибунала и расстрел. В военное время действовали быстро и жестко.

В его время некоторыми видами спорта, например боксом, заниматься запрещалось. Подготовка летчика стоит государству миллионы, а один хук в голову будет стоить карьеры. То же со смешанными единоборствами.

Вот ОМОН занимался, но у них головы крепкие и мозгов меньше, чем у летчиков.

Люба обвела глазами камеру, солдат, офицеров. Взгляд стал принимать осмысленное выражение, потом в глазах появился страх. Осознала, что попала в кутузку. Опершись на руки, села на полу.

– Голова кружится и тошнит.

– Пройдет, – жестко сказал Светлов. – Ты в особом отделе. Знаешь, что это такое?

– Знаю.

– На вопросы отвечать будешь? Или применить силу?

И в мирное, довоенное время, и во время войны пытки применялись по разрешению сверху.

Сталин проповедовал доктрину: если враг не сдается, его уничтожают. А если можно убить, почему нельзя пытать? К тому же признание вины подозреваемым ставилось во главу угла. Сознался, пусть под пытками, – значит, виновен. Но пытки выдержать и не сломаться могли не все. Если вражеские агенты, особенно из кадровых, немцев, еще упорствовали, то завербованные из пленных ломались сразу. Фанатики немецкие встречались в сорок первом и сорок втором годах. Потом веры в гений фюрера поубавилось, больше после побед Красной Армии под Москвой, Сталинградом и Курском. После Курской битвы немцы уже не могли предпринимать крупных наступательных действий, не хватало сил.

Оборонялись упорно, отходили, но инициатива была утрачена, а с ней угас боевой пыл Вермахта.

– Не надо силы, я боли боюсь, – почти прошептала Люба.

– Тогда как на духу: кого завербовать успела, кому передавала данные. Настоящую фамилию. Начни с самого начала, время у нас есть.

– Пусть он проклят будет!

– Кто?

– Политрук Фадеев.

У офицеров безразличные лица. Политрук уже в камере сидит, не новость. Люба рассчитывала на удивление.

– Давай что-нибудь посвежее. Завтра устроим тебе очную ставку с бывшим политруком. Он через камеру от тебя сидит. Все связи уже сдал. Скажешь что-то новое, поживешь еще. А не услышу – утром к стенке поставим, – зевнул Светлов.

Играл он, но неплохо, как актер. Федор внутренне поразился. Неужели про Станиславского знал?

Любка поняла, что ее спасение в ее руках.

Держась рукой за голову, стала говорить. Имя и фамилия настоящие, с ними начала работать в «Военторге». Когда политрук ее завербовал, дал псевдоним «Стрекоза», сказал, что делать надо.

Подпаивать спиртным старших командиров, спать с ними, выведывать сведения о дислокации войск, их боеспособности, о предстоящей переброске на другие участки фронта. Все, что узнавала, записывала и передавала Фадееву.

– Как, где происходили встречи?

– В магазине, он приходил под видом покупателя. Деньги за сотрудничество давал, а еще два раза крупные суммы, склонить командиров к измене.

– Много таких нашлось?

– Двое.

Люба продиктовала фамилии, должности, номера полков. Задержание их теперь было делом времени – нескольких часов. Стало быть, сеть не ограничивалась Фадеевым, «Кирпичом» и «Стрекозой». Были еще пособники.

К утру Люба была уже не в состоянии говорить, ее стошнило.

– Прервемся, пусть поспит, – распорядился Светлов.

Когда вышли из камеры, спросил:

– Что Дубовик?

– Рация пока в эфир не выходила.

– Хреново. Иди поспи немного. Я своих оперативников сейчас по полкам разошлю. Задержать и доставить изменников. Пеленгация за тобой.

– Сначала поесть. Жрать охота – сил нет.

– Сейчас организую.

Вскоре в комнату солдаты принесли четыре котелка с кашей, обильно сдобренной тушенкой. Отдельно хлеб крупными кусками, железный термос с чаем и бутылку водки. Федор с подчиненными поел, водку выпили – фронтовые сто грамм, хотя досталось по сто двадцать пять.

И сразу спать. Никого уговаривать не пришлось, ночь для всех выдалась беспокойной.

Федор проснулся через несколько часов от писка пеленгатора. Дубовик уже сидел за прибором, а Обухов и Сучков крепко спали, храпели, дергались во сне. Вот кому хорошо!

Никаких забот, и тень Берии над ними не висит. Приказали – исполнили.

Федор подошел к Василию как был, в носках. Получилось тихо, Дубовик от неожиданности вздрогнул.

– Что?

– Тихо! Слушаю.

– Очень прошу – не пропусти.

Хоть проси, хоть на коленях стой, а если чужой радист в эфир не выйдет, не засечешь.

Федор спустился в кабинет Светлова. Хозяин кабинета спал на диванчике, свернувшись калачиком. Федор хотел потихоньку выйти: надо же человеку отдохнуть, вдруг предстоящая ночь выдаться бессонной?

Зазвонил телефон. Федор схватил трубку.

– Калинин, НКВД. Осадчий на проводе. Мне бы Казанцева.

– У аппарата. Здравия желаю, Виктор Матвеевич!

– Приветствую. Как дела?

– «Стрекозу» взяли, сдала двух информаторов, поехали брать.

– Это хорошо. Что по радиации в Торжке?

– Молчит.

– Автобусный пеленгатор молчание подтверждает. Время идет, ты помнишь срок, что Лаврентий Павлович отвел?

– Помню.

– Не подведи. Конец связи.

Федор положил трубку. Светлов проснулся, встал.

– Осадчий телефонирует?

– Он.

– Я разговор слышал.

– Пойду Дубовика сменю, пусть отдохнет.

– Скоро мои оперативники вернуться с задержания должны. Я сам допрошу, или желаешь поприсутствовать?

– Давай сам. Сейчас задача номер один – взять радиста. Обрубим связь агентам, тогда поспокойней будет. Причем радиста желательно взять живым и сильно не помять, не как ты Любку, едва не убил.

– Допрос под протокол шел. Сегодня допрошу информаторов и дело в трибунал передам. Так что жить им три дня осталось.

Жестко, но предатели не заслуживали лучшей участи. Ущерб для страны, нанесенный ими, мог доходить до тысяч, а то и до десятков тысяч солдатских жизней.

Если в первые месяцы войны немцы опирались в основном на фронтовую разведку и авиационную с надеждой на быстрое окончание войны, то после победы под Москвой, когда увязли в войне, осознали, что противник силен и блицкрига не получится, применили другую тактику. Стали готовить в большом количестве агентуру из пленных или жителей оккупированных районов и забрасывать в наш тыл. Ставка на массовость себя не оправдала. Большая часть заброшенных сдалась властям. Знали, что кара может быть суровой, но добровольно шли в НКВД, милицию, потому что не хотели работать против своей страны, а согласились на сотрудничество с немцами, потому что иного способа вырваться из концлагеря и попасть к своим не видели. Еще часть агентов после заброски бросили рации и жили как обычные люди. Документами и деньгами немцы снабдили, на первое время хватит. Устраивались на работу. Иные шли в военкоматы, призывались. Или вступали в ополчение.

Конечно, некоторых выявляли потом сотрудники особых отделов при более тщательной проверке документов. Если вначале немцы просто печатали фальшивки, то в дальнейшем старались использовать настоящие бланки, изъятые в захваченных городах: паспорта, красноармейские книжки. Составляли толковые легенды, вписывали в документы фамилии расстрелянных красноармейцев. Никакая проверка не выявляла «липы», поскольку такой фигурант существовал, были записи актов о рождении, выдаче паспорта, учебе в школе.

Немцы стали готовить агентов тщательнее, поскольку Гитлер возложил вину за неудачи немцев на Восточном фронте именно на разведку. Он опирался перед операцией «Барбаросса» на данные разведки, говорившей об СССР как о «Колоссе на глиняных ногах»: толкни – и он рассыплется.

Дубовик уже клевал носом за пеленгатором, но наушники не снимал. Слышался писк морзянки, потом голосовая связь на немецком.

Немцы в сорок втором году оставили попытки взять Москву, активизировались на юге. Бои шли в Крыму, на Кавказском направлении и в Сальских степях. Немцы жаждали захватить на юге Грозненскую и Бакинскую нефть, а захватив Сталинград, перерезать главную водную артерию. Большая часть азербайджанской нефти доставлялась по воде. Морем по Каспию, затем по Волге. Нефтеналивных барж не хватало, а после захвата немцами железной дороги Москва – Ростов – Минводы – Баку отправлять железнодорожным транспортом стало невозможно. Но выход нашли. Железнодорожные цистерны с нефтью или бензином выгружали в море, связывали между собой стальными канатами, и буксиры тащили такой состав по воде. Если бы немцы взяли Сталинград, наша армия осталась бы без моторного топлива. Потому Сталинград держали упорно, всеми имеющимися силами.

Сталин 28 июля 1942 года отдал приказ наркома обороны СССР № 227, названный в армии «Ни шагу назад». Приказ под страхом расстрела запретил отход наших войск без указания командиров.

Организовывались штрафные части – отдельные батальоны в составе фронтов и отдельные роты в составе армий. Официально вводились в состав армий заградительные отряды. Они существовали и прежде, но не были оформлены документально. Утверждались штаты, были определены функции и задачи. Конечно же, подчинялись и входили в структуру НКВД.

Немного раньше был организован Центральный штаб партизанского движения. Если затруднить подвоз войск, техники, боеприпасов, топлива к фронту, немцы не смогут держать темп наступления.

Илья Старинов, самый известный наш диверсант, настаивал на организации партизанских баз и обучении людей еще до войны. Не послушали, руководствовались ошибочной доктриной – воевать будем на чужой территории малой кровью. Все вышло в точности наоборот. На своей земле, и крови пролилось много. Старинову его настойчивость едва не вышла боком, трижды его хотели арестовать. А при активных и правильных действиях подготовленных диверсантов движение по железной дороге можно было полностью парализовать. После начала операции «Рельсовая война» немцы понесли урон, вынуждены были отвлекать батальоны, полки и дивизии, так остро необходимые фронту, на охрану своих коммуникаций.

Федор просидел за пеленгатором весь день, пока Дубовик отсыпался. После ужина за пеленгатор уселся Василий, Федор направился к Светлову.

– Как успехи?

– Издеваешься? У меня двое убитых. Опер с автоматчиками пришли за старлеем, а он огонь с ходу открыл. Двоих убил, автоматчик очередь дал и наповал. Второго помяли при аресте, пытался сопротивляться. Военфельдшер помощь сейчас оказывает. Сдох бы, меньше хлопот. Но допросить надо, сам понимаешь.

– Тогда я спать пойду.

Светлов был расстроен. Не все шло гладко, но в итоге группа частью уничтожена, частью арестована и перестала существовать.

Федор дверь в комнату распахнул, а Дубовик палец вверх поднял. Знак – внимание, тишина, работа в эфире.

Через несколько минут наушники снял.

– Рация в эфире была, всего пару минут работала. Короткое сообщение передала. Я группу цифр записал и определил направление.

– Так второго нет.

– Сейчас звонить в Калинин буду. Надо передать для дешифровки радиogramму. И еще. Если автобус рацию засек, даст пеленг. Вот тогда посмотрим, где рация, и можно выдвигаться.

– Телефонируй.

Телефон закрытой связи был только в комнате Светлова. Дубовик ушел, отсутствовал полчаса, а когда вернулся, сел за карту. Карандашом по линейке провел две линии.

– Не пойму ничего. То ли ошибка вышла...

– А что такое?

– Рация не в Торжке, а за городом.

– Ну и что? Не из дома агент передавал, а из леса.

– Передача очень короткая была. Передал шифровку и отключился. Даже подтверждения приема не получил.

– Видно, торопился или помешал кто-то или что-то.

– Надо выезжать на место. Не исключено – передача повторится. Кроме того, на месте выход рации точнее определить можно.

– Собирай аппаратуру. Сучков, Обухов, в полном боевом на выход.

Федор сразу к Светлову. А в кабинете его нет, допрашивает в камере арестованного. Федор дверь открыл.

– Товарищ капитан, на секунду, срочно.

Светлов вышел.

– Рация в эфире была. Передача очень короткая, засекли предполагаемое место под Торжком. Не в городе, уточняю.

– Сейчас машину организую. Сам с вами еду. Сколько автоматчиков брать?

– У меня двое. Возьми еще двоих.

– Грузовик нужен. На «козлике» не поместимся.

Летние ночи короткие, темнеет поздно.

Грузовик шел быстро, фары еще не зажигали, видимость вполне приличная. До Торжка недалеко ехать, часа не прошло, как уже у северной окраины города остановились. Теперь вся надежда на Дубовика. Он с картой вышел, сориентировался по местности, по компасу.

– Триста метров туда! – показал рукой.

Сам двинулся вперед, за ним офицеры. А впереди ни избы, ни коровника, ни оврага, где можно было бы укрыться и провести радиопередачу. На голом месте даже сумасшедший этого делать не станет.

– Дубовик, может, ошиблись твои люди? Или сам напортачил.

– Погодите.

Дубовик круг описал, потом второй – пошире. Остановился, махнул рукой, подзывая.

– Смотрите, только не затопчите.

На малоезженной грунтовке свежий след от колес.

– Грузовик здесь недавно стоял, с него передачу вели.

– Ай молодца, Василий! – восхитился Светлов. Еще бы грузовик найти. Светлов присел, померил пядями ширину колеи.

– «Захар».

Дубовик не понял.

– Какой Захар?

– Грузовик, «ЗИС-5», шофера его так называют. Все грузовики этой марки на службу в войска мобилизованы. Стало быть, грузовичок армейский.

– О! Ты представляешь, сколько грузовиков на этом участке фронта?

– А то!

Светлов вприсядку, по-гусиному, пошел по следу колес. Метров через двадцать-тридцать, где дорога небольшой поворот делала, замер.

– Казанцев, подойди, только не по следу.

Федор подошел. На повороте были четко видны следы протекторов. На прямом участке задние колеса уничтожают след передних. Кривой участок как раз и искал Светлов.

– Глянь, что я надыбал!

Находка была ценной. На переднем левом колесе небольшая заплатка на внутренней стороне. На фронтовых машинах покрышки были самой уязвимой частью. Осколок, пуля, торчащий железный гвоздь или штырь в наспех отремонтированном деревянном мосту после бомбежки повреждали шину. Ремонтировали до последнего, скорость на фронтовых дорогах невелика, сколько-то еще продержится. Покрышки были в дефиците, их снимали с разбитых машин, с трофейных, если подходили по размеру. На рисунок протектора внимания не обращали. А еще сказывался хронический перегруз, иной раз на «Захара» грузили вдвое больше грузоподъемности. Покрышки не выдерживали, лопались.

По заплатке на переднем левом колесе вполне возможно установить машину, но труд титанический. Надо осмотреть все грузовики, причем быстро. Водитель мог сменить резину из-за повреждения. Кроме того, машина могла быть тыловой, подвозившей на фронт топливо или боеприпасы, оружие или медикаменты, соответственно – с разных складов.

– Казанцев, ты опроси жителей, кто на окраине живет. Может, видели грузовик? Мало ли – приметы есть? Хорошо бы бензовоз, их мало в армии, или крытый, санитарный либо передвижная авторемонтная мастерская. Их вообще единицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.